

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ,

в которой повествуется о том, как дева-оборотень хотела сойтись с монахом праведным и как сметливый Сунь У-кун отстоял своего наставника и распознал в деве злого духа

Итак, сам правитель страны бикшу, все его придворные чины, а также жители столицы провожали Танского монаха и его спутников целых двадцать ли и никак не могли расстаться с ними. Танскому монаху едва удалось покинуть царскую колесницу. Оседлав коня, он тут же распростился со всеми и пустился в путь-дорогу. Долго еще смотрели вслед путникам провожающие и вернулись в город лишь тогда, когда те исчезли из виду. Прошло много времени, лютая зима сменилась весной, и уже близилось лето, а путники все шли и шли, и не было ни конца ни края полевым цветам в степных просторах, дремучим лесам в неприступных горах. Волшебница-природа поражала своей красотой и пьянила ароматом цветов и трав. Но вот впереди показался огромный горный кряж с неприступными вершинами. Танский монах встревожился, однако не подал вида и спокойно спросил:

— Братья! Что скажете? Можно пройти через эту высокую гору?

Сунь У-кун, как обычно, рассмеялся.

— Наставник! — проговорил он. — Можно подумать, что ты никогда не отправлялся в далекое путешествие. Да разве ты княжич или царевич какой, что живет взаперти и ничего не видит, вроде лягушки, попавшей в колодец. Ведь еще в древности говорили: «Гора дороге не помеха». Зачем же спрашивать, можно пройти или нет.

— Все это верно, — отвечал Танский монах, — боюсь только, что на этих кручах водятся чудовища, которые могут напасть на нас.

— Не беспокойся! — вмешался Чжу Ба-цзе. — Отсюда до страны высшего блаженства, где обитает Будда, не так уж далеко. Уверен, что теперь с нами ничего не случится.

Беседуя, Танский монах и его ученики не заметили, как подошли к подножию горы. Сунь У-кун вооружился своим посохом с золотыми обручами и поднялся на вершину горы.

— Наставник! — крикнул он. — Здесь, оказывается, прекрасная дорога! Она опоясывает горы. Живей поднимайтесь сюда!

Танский монах пришпорил коня.

— Брат Чжу Ба-цзе! Возьми коромысло с поклажей, — попросил Ша-сэн.

Чжу Ба-цзе взвалил поклажу на спину. Ша-сэн взял коня под уздцы, Танский монах крепче уселся в седле, и они все вместе последовали за Сунь У-куном. С вершины открывался поистине прекрасный вид.

Туман и облака
Вершины обвивали,
Журчали между скал
Десятки ручейков.
Дорога шла
Средь множества цветов,
Что сладкий аромат,
Качаясь, изливали.
О первых летних днях
Кукушки куковали.
Белели сотни груш,
Синели слив плоды,
И ветви зыбких ив,
Растущих у воды,
Румянец персиков,
Колышась, оттеняли.
Стрижи носились,
Душу веселя:
Знак, что давно
Засеяны поля.
За кряжем кряж
Теснился и сверкал.
Над кручами
Шумели сосны хором.
Нагорный путь
Змеился между скал,
Как спутанный клубок,
Причудливым узором.

Обрывы плещ обвил
И стебли диких трав.
В горах шумели рощ
Раскидистые чащи.
Как тысяча клинков,
Стеной грозящей,
Теснились пики,
Над предгорьем встав.
И водопад
С заоблачной вершины,
Гремя, спадает
В гулкие долины...

Наставник попридержал коня, любуясь горными видами. Где-то вдруг защebetала птичка, и невольная тоска по родным местам охватила монаха.

— Братья! — воскликнул он, придержав коня, и сложил стихи:

Ах, с той поры, как волю Сына Неба
На государевой табличке начертали
И за «парчовой ширмой» во дворце
Мне проходную грамоту вручили, —
Не знаю я покоя.
Бросил я
В день «Смотра фонарей» страну родную
И с Танским императором расстался.
Разлука эта мне была горька,
Как для земли горька разлука с небом.
Но только я оставил позади
Торжественные проводы, как разом

Нахлынули опасности и беды:

Лисицы-оборотни, бесы-тигры,

Колдуньи, обольстительницы-ведьмы,

Неслыханные грозы, ураганы,

Лесные дебри и разливы рек, —

Все дружно встали на моем пути,

Мне угрожая гибелью.

Давно

Перевалили мы «двенадцать кряжей

Ушаньских гор».

И новое несчастье

Меня подстерегает. О, когда ж

Я родину свою опять увижу?

— Наставник! — с укором молвил Сунь У-кун. — Очень уж часто ты грустишь о родине. Человеку, отрешившемуся от мира, это не подобает. Спокойно продолжай свой путь и ни о чем не думай. Недаром еще в древности говорили:

Кто хочет богатства и славы добиться,

Тот с мирным досугом навеки простится.

— Все это верно, ученик мой, — возразил ему Танский монах, — однако мы идем, идем, а я до сих пор не знаю, где страна высшего блаженства, обитель Будды.

— Учитель!— вмешался тут Чжу Ба-цзе.— Думается мне, что Будда Татагата не хочет расставаться со своими книгами, вот и переселился в другое место, зная, что мы идем за ними. Иначе, чем объяснить, что мы никак не можем добраться до его райской обители?

— Попридержи язык!— оборвал его Ша-сэн. — Иди за старшим братом да помалкивай. Не надо только времени терять даром; ведь должен наступить день, когда мы достигнем цели.

Продолжая беседовать, наши путники подошли к густому бору, где росли черные сосны. Тут Танский монах окончательно потерял присутствие духа.

— Сунь У-кун!— испуганно произнес он. — Что же это такое? Не успели мы преодолеть горные

кручи, как перед нами вырос дремучий лес? Нет, все это неспроста!

— А что нам лес! — беззаботно ответил Сунь У-кун.

— Как что? — одернул его Танский монах. — Разве не знаешь пословицу: «Кто кажется чересчур честным — не всегда честен. Кто выглядит чересчур добрым, может оказаться злым». Нам не раз доводилось проходить через густые леса, но в дремучей чаще мы еще не бывали!

Вы бы видели, читатель, что это был за лес!

Лес дремучий встал пред нами,

Путь заветный заграждая.

Он с востока лег на запад

Дикой чащей между скал,

С юга уходил на север

Грозным строем черных сосен,

И в ущельях каменистых

Он проходы заграждал.

На восток глядят, на запад

Грозно вздыбленные кручи.

Сосны мрачные теснятся,

Поднимаясь к небесам.

Там шиповник и терновник

Разрослись стеной колючей,

И лианы всюду вьются

По ветвям и по стволам.

С кряжистых суков свисая,

Петли цепкие скрутились.

Кто, войдя сюда с востока,

Путь на запад обретет?

Кто пройти тот лес возьмется
С севера на юг далекий?
Будет в зарослях кружиться
Целый месяц или год.
Можно в чаще той скитаться
Круглый год, не различая
Ни луны над головою,
Ни огня в ночной дали.
Круглый год блуждать ты будешь,
Не приметив над собою
Звездного Ковша на небе,
Хоть пройдешь сто сотен ли!
О, взгляни, какие дебри!
Сколько здесь цветов таится,
Сколько трав растет волшебных,
Им не нужен солнца свет.
Здесь ты ясени увидишь,
Ствол их толстый в семь обхватов,
Лет им тысяча и больше,
Крепче их и выше нет.
Можжевельники седые, —
Десять тысяч лет их возраст!
Сосны черные толпятся,
Что им вьюга и мороз!
Сколько здесь плодов и ягод!
Сколько персиков пушистых!
Кисло-сладких шаояо,
Смоков и виноградных лоз!

Все сплелось, срослось, сцепилось,
Перепуталось ветвями,
Все переплелось корнями
Средь извечной тесноты.
Даже сам святой отшельник
Не найдет себе приюта,
Не найдет в лесу дороги,
Сквозь колючие кусты.
Сколько птиц ты здесь услышишь
Сколько пташек голосистых!
Серокрылые кукушки
Здесь кукуют без конца.
Нежно голуби воркуют,
Дикие орлы клекочут,
И суровый старый ворон
Кормит жадного птенца.
Заливаясь звонкой трелью,
Там летает пересмешник,
Иволга порхает в танце
И уносится, крича.
Там хвостатые стрекочут
Вороватые сороки,
Стаи ласточек взлетают
И кружатся, щебеча.
Суется попугаи,
То трещат и звонко свищут,
Сквозь лианы пролетая,
Сквозь кусты и бурелом,

То стараются упрямо
Говорить по-человечьи,
Разные слова бормочут,
Как заученный псалом.
Там зверей ты встретишь хищных.
Старый тигр таится в чаще,
Меж стволов скользит неслышно,
Скалит зубы, бьет хвостом.
Престарелые лисицы
Роят норы в темных недрах,
В обольстительниц-колдуний
Превращаются потом.
Слышишь, волк завыл угрюмо?
Все живое содрогнулось.
В этих дебрях заповедных
Страшно путнику блуждать.
Сам небесный император
И могучий Вайсравана, —
И они могли от страха
В этой чаще задрожать!

Однако Сунь У-кун действительно ничего не боялся. Он шел впереди, прорубая дорогу посохом, и вел Танского монаха в самую чащу леса. Целых полдня блуждали путники по лесу, которому не было ни конца ни края.

Танский монах, наконец, не выдержал и взмолился:

— Братья! Здесь так хорошо и спокойно, как еще не бывало ни в одном из многих лесов, через которые нам пришлось пройти. Вы только посмотрите, какие замечательные цветы, удивительные растения! Так хотелось бы посидеть здесь хоть недолго. И конь бы передохнул. А ты, Сунь У-кун, тем временем сходил бы да раздобыл чего-нибудь поесть. Я что-то проголодался.

— Ну что ж! — отвечал Сунь У-кун. — В таком случае слезай с коня, наставник! Я постараюсь принести тебе чего-нибудь.

Танский монах послушался Сунь У-куна и спешил. Чжу Ба-цзе крепко-накрепко привязал коня к дереву, а Ша-сэн опустил на землю поклажу, достал патру и передал ее Сунь У-куну.

— Сиди на месте, наставник, и ничего не бойся! — проговорил Сунь У-кун. — Я мигом слетаю туда и обратно.

Танский монах уселся под сенью сосны, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн стали собирать цветы и ягоды, чтобы поразмяться.

Сунь У-кун одним прыжком поднялся высоко в небо, встал на благодатное облачко и, взглянув вниз, увидел сияние. Оно исходило из лесной чащи.

— Чудесно! Замечательно! — не утерпев, воскликнул Сунь У-кун, желая воздать хвалу Танскому монаху, истому праведнику. Он совершенствовался целых десять поколений, и вот теперь над головой его незримо сиял благовещий нимб.

— Я, старый Сунь У-кун, — продолжал Царь обезьян, — пятьсот лет назад учинил великое буйство в небесных чертогах, на чудесном облаке долетал до конца земли, побывал на краю неба, собрал вокруг себя целую толпу оборотней и провозгласил себя Великим Мудрецом, равным небу, покорял драконов и укрощал тигров, вычеркнул себя из книги смерти. Я, старый Сунь У-кун, носил трехъярусную золотую корону, надевал золотую кольчугу и латы, в руках держал посох с золотыми обручами, на ногах носил башмаки, шагающие по облакам! У меня в услужении находилось сорок семь тысяч покорных мне духов-оборотней, которые величали меня: «Отец наш, Великий Мудрец». Но теперь я превратился в человека, избавился от небесной кары и стал твоим покорным слугой и учеником. Это благовещее сияние вокруг твоей головы, чудесный мой наставник, говорит о том, что тебя ждут многие блага по возвращении в восточные земли, стало быть и мне, старому Сунь У-куну, безусловно выпадет счастье получить истинное перерождение.

Пока Сунь У-кун рассуждал так с самим собою, с южной стороны неба, из-за леса, вдруг показался черный дым, который стал быстро подниматься вверх.

Сунь У-кун вздрогнул.

— В клубах этого дыма, — проговорил он, — несомненно, кроется злой дух. Не может быть, чтобы от Чжу Ба-цзе и Ша-сэна могло исходить нечто подобное...

Пока Сунь У-кун думал да гадал, откуда мог взяться черный дым, Танский монах сидел в лесу, погружившись в глубокое созерцание своей внутренней природы, и напевал сутру о великомудром брамине, впавшем в нирвану. Вдруг раздался жалобный крик: «Спасите! Спасите!» Танский монах сильно встревожился.

— Да восторжествует благо! — воскликнул он. — Кто может взывать о помощи в этой глухой лесной чаще? Может, волк задрал кого-нибудь или тигры и барсы напугали? Надо пойти посмотреть!

С этими словами он встал с места и пошел на крик. Он миновал тысячелетние кипарисы и в десятки раз более старые сосны, перелез через густые поросли разных вьющихся растений и, наконец, очутился рядом с несчастным существом. Он увидел женщину: верхняя часть ее тела была привязана лианами к стволу огромного дерева, а нижняя часть закопана в землю. Танский монах замер на месте и обратился к женщине с вопросом:

— О добрая женщина! Скажи мне, за что тебя привязали к дереву?

Танский монах своими плотскими глазами не мог распознать в женщине злого духа. Между тем в ответ на участливое обращение женщина залилась слезами. Ее румяное личико, по которому катились слезы, было настолько прелестным, что рыбы в смущении скрывались на дно, а гуси садились на землю. Глаза ее, полные скорби, были настолько прекрасны, что луна от стыда за свое безобразие укрывалась бы за облака, а цветы в смущении опустили бы головки.

Танский монах не решился приблизиться к ней и, стоя на месте, продолжал расспрашивать:

— О добрая женщина! Какое же ты совершила преступление? Скажи мне, бедному монаху. Может быть, я смогу помочь тебе?

Тут оборотень стал морочить Танского монаха хитрыми речами и выдумками.

— О наставник! — воскликнула женщина. — Мои родители живут в стране Нищих браминов, в двухстах ли отсюда. Они добрые, хорошие люди, всегда жили в согласии друг с другом, а также со всеми родными и друзьями. Но случилось так, что в этом году, в день поминовения усопших, они пригласили всех родных, а также всех домочадцев, и старых и малых, на родовое кладбище, чтобы привести в порядок могилы предков. Кто в паланкине, кто верхом прибыл за город на кладбище. Но как только мы начали обряд жертвоприношения и стали жечь фигурки коней из бумаги, раздались удары в гонги и барабаны, а затем на нас набросилась шайка грабителей с ножами и дубинами. Они грозили убить нас. Мои родители и наши родственники, спасая жизнь, бросились бежать. Я же от страха не могла даже пошевелиться и лежала на земле без движения. Грабители схватили меня и уволокли в горы. Их старший главарь хотел сделать меня своей женой, но я полюбилась и второму главарю, и третьему, и четвертому, да и многим другим. Они стали ссориться между собой, никак не могли сговориться и потому решили привязать меня к этому большому дереву, а сами куда-то скрылись. Пять дней и пять ночей я терплю эти невыносимые муки. Мне казалось, что смерть уже совсем близко. Не знаю, кто из моих предков и в каком поколении совершил добродетельный поступок, но, видимо, само небо послало мне тебя. Умоляю, прояви милосердие, спаси меня. До конца дней своих не забуду я твоего благодеяния, даже когда сойду в подземное царство!

Женщина умолкла, и слезы снова хлынули из ее глаз.

Танский монах — по натуре своей человек сердобольный — не выдержал и тоже заплакал. Всклипывая, стал он звать своих учеников:

— Братья!

Бродившие поблизости Чжу Ба-цзе и Ша-сэн услышали зов своего наставника.

— Уж не повстречался ли наш учитель с каким-нибудь своим родственником? — высказал предположение Чжу Ба-цзе.

Ша-сэн рассмеялся:

— Вот еще, вздор какой! — сквозь смех проговорил он. — Сколько времени идем и не встретили на своем пути ни одного доброго человека! Откуда же мог взяться здесь родственник нашего учителя?

— Чего же ради наставник расплакался? — упорствовал Чжу Ба-цзе. — Пойдем, увидишь, чья правда.

Ша-сэн вернулся, отвязал коня, взвалил поклажу и крикнул:

— Учитель! Зачем ты звал нас?

Когда ученики подошли к своему наставнику, тот указал им рукой на дерево.

— Чжу Ба-цзе! — вскричал он. — Освободи эту добрую женщину! Спаси ее от смерти!

Чжу Ба-цзе, не задумываясь над тем, что может случиться, начал действовать.

Вернемся теперь к Великому Мудрецу Сунь У-куну, который все еще пребывал в воздухе. Заметив, что черное облако сгущается и накрыло светлое сияние, он воскликнул:

— Дело дрянное! Уж не напал ли злой дух на нашего наставника? Бог с ним, с пропитанием, это пустяки. Надо скорей вернуться и узнать, что случилось с учителем!

С этой мыслью Сунь У-кун тотчас повернул назад свое облачко и спустился в лесной чаще. Увидев, что Чжу Ба-цзе распутывает веревки, Сунь У-кун кинулся к нему, схватил за ухо и так ударил, что Дурень сразу же повалился наземь.

— Ты что же это ни с того ни с сего повалил меня? Силу свою пробуешь, что ли? — спросил Чжу Ба-цзе, поднимаясь с земли. — Мне наставник велел спасти человека!

— Брось! Не развязывай! — усмехнувшись, сказал Сунь У-кун! — Это же оборотень! Видишь, как плачет, чтобы обмануть нас!

— Ах ты, несносная обезьяна! — в сердцах воскликнул Танский монах. — Явился со своими глупыми выдумками! Как только тебе в голову пришло, что эта несчастная дева — оборотень?!

— Наставник, ничего ты не понимаешь! — отвечал Сунь У-кун. — Все эти штучки мне хорошо известны. Оборотни, когда хотят полакомиться человеческим мясом, всегда так поступают.

Чжу Ба-цзе надулся.

— Учитель! — злобно проговорил он. — Не верь ты ему, конской заразе! Обманывает он тебя! Девушка эта из здешних мест, а мы пришли сюда из далекой восточной земли, никогда не имели с ней никаких дел, она не родственница нам, не возлюбленная. Зачем же зря говорить, что она оборотень?! Это он услали нас вперед, а сам тем временем явился сюда, сделал с ней все, что ему было надо, а теперь валит весь грех на нее!

— Негодяй! — вскипел Сунь У-кун. — Замолчи! Да разве за все время нашего путешествия я совершил хоть один проступок? А вот ты, обжора, только и думаешь, как бы удовлетворить свою похоть, и ради выгоды готов отца родного продать. Сознайся, уж не сам ли ты захотел породниться с ней, да и привязал ее к дереву!

Танский монах принялся мирить их.

— Полно! Полно, Чжу Ба-цзе! Твой старший брат часто бывает прав. Раз он так говорит, давайте оставим ее здесь, бог с ней! Пойдем дальше своей дорогой!

— Вот это правильно! — в восторге воскликнул Сунь У-кун. — Значит, тебе, наставник, покровительствует сама судьба! Скорей садись на коня. А как только выберемся из леса, найдутся люди, которые не откажут нам в подавании.

Все четверо двинулись вперед, оставив оборотня привязанным к дереву.

Оставшись в лесу, оборотень, скрежеща зубами от ярости бормотал:

— Много раз слыхала я о том, что Сунь У-кун обладает огромной волшебной силой, и вот нынче сама убедилась в том, что не зря про него идет такая молва. Зато Танский монах — совсем еще невинный отрок. Он сохранил свое целомудрие и, видимо, ни разу еще не источал из себя мужской силы. Я бы приворожила его к себе и сочеталась бы с ним брачными узами, чтобы обрести бессмертие, а эта обезьяна распознала меня, разбила все мои замыслы и увела монаха от меня. Освободи они меня от веревок, я тут же вцепилась бы в Танского монаха и завладела им! А теперь выходит, что зря я старалась. Постой! Позову-ка его еще разок! Посмотрим, что из этого получится!

Дева-оборотень, не дотрагиваясь до лиан, которыми была привязана, произнесла несколько ласковых слов и, легонько дунув, пустила их с попутным ветерком вдогонку, прямо в уши Танскому монаху. Хотите знать, о чем взывала она? Вот ее слова:

— О наставник! Как мог ты не пожалеть человеческой жизни и обречь меня на верную гибель? Как после этого ты сможешь поклониться Будде и просить у него священные книги?

Услышав эти слова, Танский монах тотчас же придержал коня и воскликнул:

— Сунь У-кун! Ступай назад и освободи деву от веревок.

— Что это ты, наставник, опять вспомнил про нее? — удивился Сунь У-кун.

— Да она ведь кричит! — ответил Танский монах.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-цзе.

— У меня, должно быть, уши заложило, — ответил тот, — ничего не слышу.

— Ну, а ты, Ша-сэн, что-нибудь слышал?

— Мне что-то ни к чему: иду себе с ношей, ни о чем не думаю, поэтому ничего не слышу, — ответил он.

— Вот и я тоже ничего не слышу, — сказал Сунь У-кун, обращаясь к Танскому монаху. — Ты скажи, наставник, что она там кричит?

— Упрекает меня, — ответил Танский монах, — и совершенно справедливо. Говорит, как смогу я предстать перед Буддой и просить у него священные книги после того, как оставил ее погибать в лесу. Знаешь поговорку: «Спасти человеческую душу лучше, чем выстроить семярусную пагоду». Живо ступай, освободи ее! Сейчас это, пожалуй, важнее, чем священные книги и поклонение Будде!

Сунь У-кун дерзко рассмеялся.

— Наставник! Раз тебе так приспичило совершить доброе деяние, то ничего не поделаешь, снадобья от этого нет никакого! Но ты вспомни, сколько гор тебе пришлось перейти за то время, что ты покинул восточные земли! Сколько злых дьяволов-оборотней попадалось в этих горах? Они хватили тебя, тащили в свои пещеры, а мне, старому Сунь У-куну, то и дело приходилось пускать в ход свой посох, убивать всяких бесов, чтобы выручать тебя из беды. И вдруг сейчас ты решил проявить жалость к какой-то ведьме-оборотню и хочешь, чтоб я спас ее.

— Вот что я скажу вам, братья мои, — серьезно проговорил Танский монах, перебивая Сунь У-куна. — Еще древние люди говорили: «Если можешь совершить благодеяние, пусть самое малое, никогда не пренебрегай им; если же совершил злодеяние, не оправдывайся тем, что оно невелико». Послушай меня, Сунь У-кун, и спаси несчастную деву!

— Ах, вот как! — грубо воскликнул Сунь У-кун. — Раз уж на то пошло, то скажу тебе прямо, что это дело мне, старому Сунь У-куну, не под силу! Если хочешь спасти оборотня, спасай, я не смею больше отговаривать тебя, а то ты опять разозлишься. Поступай как хочешь, только спасай ее сам!

— Замолчи! — крикнул Танский монах. — Оставайся здесь, а я с Чжу Ба-цзе пойду освобожу ее.

Танский монах вернулся в лес, велел Чжу Ба-цзе развязать лианы, которыми дева была привязана к дереву, затем приказал ему вырыть граблями нижнюю часть ее тела из земли. Дева-оборотень вылезла из ямы, расправила затекшие члены, оправила свои одежды и пошла за Танским монахом из леса, радостная и довольная. Сунь У-кун, увидев их, стал зло смеяться.

— Ты что смеешься, обезьянья морда! — выругал его Танский монах.

— Чего смеюсь? А вот послушай:

Когда улыбается счастье,

Хорошего друга ты встретишь.

Когда угрожает несчастье,

Прекрасную деву заметишь!

Танский монах окончательно обозлился.

— Негодная ты мартышка! Болтаешь всякий вздор! От самого рождения и до сей поры я веду монашеский образ жизни. Я получил царское повеление отправиться на Запад, и вот сейчас спешу с почтением поклониться Будде и попросить у него священные книги; я непохож на тех, кто гонится за выгодой. Как же ты смеешь говорить, что мне угрожает несчастье?

— Наставник! — с улыбкой перебил его Сунь У-кун. — Ты в самом деле с младенческого возраста стал монахом, вот потому, видно, и не знаешь мирских порядков и законов, а умеешь только читать каноны и молиться Будде. Девушка эта молода, смазлива, а мы все — монахи, отрешившиеся от земных утех. Если мы пойдем с ней вместе и по дороге встретим дурного человека, нас схватят, сдадут властям и обвинят в прелюбодеянии; не посчитаются с тем, что мы направляемся на поклон к Будде за священными книгами. А если нас и не обвинят в прелюбодеянии, то начнут допытываться, не похитили ли мы деву, чтобы получить выкуп. А за это с тебя, наставник, спросят ставленную грамоту, да еще избьют до смерти; Чжу Ба-цзе будет осужден на каторгу, Ша-сэна отправят в ссылку, да и мне, старому Сунь У-куну,

непоздоровится. Как примутся мучить да терзать, так никакие речи не помогут.

— Хватит врать! — прикрикнул на него Танский монах. — Спасал деву я один, с меня и спросят. Вы тут ни при чем!

— Хоть вы и говорите, наставник, что за все ответите сами,— возразил Сунь У-кун, — но, видимо, не подозреваете, что на самом деле не спасаете, а губите человека.

— Отчего же? — удивился Танский монах. — Я спас ее и вывел из леса, а ты говоришь, что я гублю ее!

— В лесу,— стал пояснять Сунь У-кун, — она умерла бы с голоду через несколько дней, а то и через полмесяца, но после этого душа ее благополучно переселилась бы в царство теней. Ты ведь едешь верхом на быстром коне, мы и то еле поспеваем за тобой. Как же сможет угнаться за нами дева, с такими крохотными ножками? А стоит нам упустить ее из виду, как на нее нападут тигры, барсы или злые волки, они растерзают ее на части, вот и выходит, что ты станешь виновником ее гибели. Правду я говорю?

Танский монах задумался.

— Пожалуй, ты прав! — сказал он. — Хорошо, что надоумил меня. Как же нам быть теперь?

— Возьми ее в охапку, и пусть она едет с тобой вместе верхом, — смеясь, предложил Сунь У-кун.

Танский монах задумался и, наконец, сказал:

— Да разве к лицу мне вдвоем с девицей ехать верхом на лошади?!

— Но не может же она идти за тобой, — не унимался Сунь У-кун.

— Я велю Чжу Ба-цзе нести ее! — решительно произнес Танский монах.

— Ну, Дурень, — захихикал Сунь У-кун, — повезло тебе. Счастье выпало на твою долю!

— Ну и повезло! — сердито отозвался Чжу Ба-цзе. — «В дальней дороге не бывает легкой ноши», — продолжал он, — подумаешь, какое счастье тащить ее на спине!

— Морда у тебя длинная, — захлебываясь от смеха, трунил Сунь У-кун, — запрокинь ее назад, да и веди любовные разговоры. Очень даже удобно!

Чжу Ба-цзе не стерпел таких насмешек. Он стал бить себя кулаком в грудь и топтать ногами от ярости.

— Вот наказание так наказание! Ты лучше избежь меня, наставник, я стерплю боль от побоев, только не заставляй нести ее. Ведь после Сунь У-кун всю жизнь будет порочить мое доброе имя. Я хорошо его знаю, он ведь такой... Нет! Ни за что не понесу!

— Ну ладно, ладно! — стал успокаивать его Танский монах. — Я вполне могу идти пешком. Вот слезу сейчас с коня, а Чжу Ба-цзе пускай ведет его, вот и все!

Сунь У-кун разразился громким хохотом:

— Вот везет нашему Дурню: всегда оказывается при деле!

— Опять за свое, обезьянья морда! — оборвал его Танский монах. — Знаешь, что говорили древние люди: «Добрый конь способен пройти тысячу ли, но сам без человека никуда не направится!» Допустим, что я буду идти очень медленно. Неужели вы бросите меня одного на дороге? Конечно, нет. Вы тоже пойдете медленно. Мы все вместе, с этой доброй женщиной, спустимся с горы, и там, может быть, найдем какой-нибудь монастырь, скит или просто селение, где и оставим ее на попечение добрых людей. Таким образом, мы спасем ей жизнь.

— Наставник прав, — сказал Сунь У-кун с самым серьезным видом, — идемте же скорей!

Танский монах бодро пошел впереди, за ним последовал и Ша-сэн с поклажей и Чжу Ба-цзе, который вел порожнего коня. За Чжу Ба-цзе шла дева, а за ней Сунь У-кун, держа наготове железный посох.

Так прошли они двадцать, а то и все тридцать ли. Начало смеркаться. Вдруг они увидели какие-то строения с башнями.

— Брат! — обратился Танский монах к Сунь У-куну. — Я убежден, что это какой-то богатый монастырь! Вот здесь и попросимся на ночлег, а завтра ранним утром отправимся дальше.

Сунь У-кун поддержал его.

— Наставник правду говорит! Так и сделаем. Ну-ка, подтягивайтесь поживей!

Вскоре они подошли к воротам.

— Вы обождите меня здесь, — сказал Танский монах, — а я пойду проситься на ночлег. Если мне не откажут, позову вас!

Путники расположились под ивами, только Сунь У-кун стоял и наблюдал за девой.

Наставник пошел вперед. Подойдя к воротам, он увидел, что они покосились. Кругом царило запустение и не было ни души. Танский монах приоткрыл ворота и стал осматривать двор. Сердце его сжалось от грусти и скорби: длинная галерея вокруг храма была пуста. Древний монастырь казался покинутым, когда-то богатый двор порос мхом и лишайником, дорожки заросли бурьяном. То тут то там мелькали светляки, словно летающие фонарики, не слышно было колокола, отбивающего часы, лишь раздавалось кваканье лягушек. У праведного монаха потекли из глаз непрошенные слезы.

Вот как выглядел этот монастырь:

Храм разрушен,

И кровля успела, прогнув, обвалиться.

В кельях тихо и пыльно.

И гонга не слышится звон.

Всюду битый кирпич

И поломанная черепица.

Балки, треснув, прогнулись.

Столбы покосились колонн.

В кухне пусто,

Завален очаг перепрелюю гнилью,

И трава разрослась

На парадных и черных дворах.

Украшенья разбиты,

И плиты подернулись пылью...

Барабаны без кожи.

И башня рассыпалась в прах.

Многоцветных лампад

Перебиты узорные стекла.

Потускнел образ Будды.

Упали архаты вокруг.

И богини чело Гуаньинь,
Словно глина, размокло.
И она уронила
И чашу и ветку из рук.
Дни за днями проходят,
И здесь ты не встретишь монаха.
Только вихри в провалах
И в каменных сводах поют.
Только тигр иногда забредает,
Не ведая страха,
Только барс и лисица
Ночами находят приют.
Покривились столбы
Монастырской старинной ограды,
Повалился забор,
И молельня вот-вот упадет.
И калитка распахнута настежь
И створки ворот.
Грустно людям бродить меж развалин,
А демоны — рады.
Старинный монастырь,
Заброшенный, затих.
Лишь ветры
В храмину слетаются пустую.
И зимние дожди
Размыли лик святых,
И Будды голову
Размыли золотую.

Сквозь трещины в стене
Глядит глухая даль.
И даже духу тьмы
Ночлег здесь дик и страшен.
Разбитый колокол
В душе родит печаль...
Жаль древней звонницы
И жаль упавших башен.

Набравшись храбрости, Танский монах прошел через вторые ворота. Здесь он увидел развалины колокольни и сторожевой башни. Его внимание привлек медный колокол, вросший в землю. Верхняя его часть покрылась белым как снег налетом, а внизу он стал синим, как индиго. Произошло это оттого, что колокол долго лежал под открытым небом. Белый налет на верхней его части образовался от дождей, а синева — от испарений земли. Поглаживая колокол рукою, Танский монах стал причитать над ним:

Ты когда-то
На башне высокой висел
И качался на балке,
Резной и богатой.
Ты рассвет, как петух,
Возвещал нам когда-то,
И, прощаясь с закатом,
Твой голос звенел.
Где ж прилежный умелец,
Подвижник простой,
Тот, кто гулкую бронзу
В горниле расплавил?
Расскажи, где ваятель,
Где мастер святой,
Кто в узорную форму

Струю золотую направил?

Скрылись оба в подземных чертогах

В назначенный час.

Имена их забыты.

Твой голос угас.

Танский монах стал громко вздыхать и охать, не подозревая, что растревожит обитателей монастыря. Первым услышал его голос монах, ведавший возжиганием лампад и фимиама. Он поднялся с земли, подобрал обломок кирпича и кинул его прямо в колокол. Раздался металлический звук. Танский монах с перепугу повалился наземь, затем хотел бежать, но зацепился за корень дерева и снова упал. Лежа на земле, он поднял голову и стал звать:

Упавший колокол!

Я плакал средь развалин

Об участи твоей

В вечерней тишине.

В безлюдных сумерках

Ты вдруг ответил мне

Могильным голосом,

И гул твой был печален.

Испуганный монах,

Подумал я, скорбя,

Что оборотня дух

Вселился и в тебя.

Тем временем монах подбежал к Сюань-цзану, помог ему подняться и учтиво сказал:

— Прощу тебя, отец, вставай скорей! Не думай, будто колокол превратился в оборотня, это я только что кинул в него осколком кирпича, вот он и звякнул!

Танский монах поднял голову и поглядел на говорившего.

— А сам ты не оборотень камней или деревьев? Может, злой дух? — с опаской спросил Танский монах, вглядываясь в безобразное чумазое лицо незнакомца. — Имей в виду, что я из великого

Танского государства. Мои ученики умеют покорять драконов и укрощать тигров. И если только ты заденешь их, прощайся с жизнью!

Монах опустился на колени.

— Отец родной! Ты не бойся! — молил он. — Я вовсе не оборотень и не злой дух, а служу в этом монастыре, слежу за лампадами и курильницами. Мне по душе пришлись твои добрые речи, обращенные к колоколу, вот я и захотел приветствовать тебя. Однако я побоялся, думал, это козни одного оборотня, а потому и решил сначала кинуть в колокол кусок кирпича. Прошу тебя, отец, вставай!

Выслушав монаха, Сюань-цзан совсем успокоился.

— Ну и напугал ты меня! — сказал он чумазому. — Чуть не до смерти! А теперь веди меня к себе!

Монах повел Сюань-цзана за собой, и они вошли за третьи ворота. Тут перед Сюань-цзаном предстала совсем иная картина.

Из серо-голубого кирпича

Крутые стены

Росписью покрыты.

Изгибы крыши покрывают плиты,

Как ярко-изумрудная парча.

Над храмом Будды —

Блеск луча, —

Стрела летит, горя,

И нет числа

Кумирам.

А там внизу

Ступени алтаря

Сверкают белой яшмой и порфиром.

В восторге благостном

Душой крылатой

Узришь ты храм Пило
Здесь в час заката.
Наполнена стоцветным ароматом
Манджутры пышная молельня... Посмотри!
Украшенный орнаментом богатым,
Зеленый зал затмил огонь зари.
Там сотни книг буддийских —
Древний клад! —
В крутящихся хранилищах лежат!
Трехъярусные круглых пагод крыши
Увенчаны узорным куполком.
Большие вазы
Украшают ниши.
Всех пагод башня Уфулоу выше.
Покрыта плотным, вышитым ковром
Ее верхов цветная черепица.
Она зовется Счастья пятерица.
О пятикратном счастье молиться
Ты должен,
Повторяя горячо:
Жизнь долгая, богатство и здоровье,
Святая добродетель, и еще —
Смерть в старости
На мирном изголовье.
А там, где расположены сиденья
Молящихся,
Там тишина вокруг...
Там молодой качается бамбук,

Колышатся сквозных побегов тени.
Там созерцающих монахов круг,
Молчанье иль святое песнопенье.
И тысяча могучих, темных сосен
У храма Будды охраняют вход.
Всегда в багряном облаке цветет
Луч золотистый
Благодатных вёсен
В святом дворце Закатных облаков.
Слышны порою тихие молебны,
Молитвенные хоры...
По утрам
Сюда доносится
И нежный и целебный
С лугов далеких аромат цветов.
С высокой башни здесь по вечерам
Бой барабана слышится дозорный.
Опять монахи соберутся тут
И, сидя рядом,
Молча и упорно
Ряды заплат на рубище кладут.
Кому из них дарован ум высокий
И кто пойдет в вечерней тишине
Читать при ярко блещущей луне
Полуистлевших книг
Святые строки?..
Но храмы пусты.
Только на дворе

Чуть слышен говор, звон,
Из кухни шум приятный.
Оттуда светит отблеск фонарей,
И ветер долетает ароматный!

Очарованный представившейся его глазам картиной, Сюань-цзан не осмелился идти дальше и обратился к монаху:

— Скажите мне, праведный монах, почему это у вас при входе царит запустение, а здесь, внутри, такое благолепие?

Монах ухмыльнулся.

— Почтенный отец! — ответил он. — На этой горе по соседству с нами поселились дерзкие разбойники. В ясную погоду они бродят по горе, грабят людей, а в ненастье укрываются в нашем монастыре. Это они повалили изваяния хранителей Будды и сломали все, что было сделано из дерева, чтобы разводять костры. Обитатели нашего монастыря все слабые и хилые, вот и боятся слово им сказать. Поэтому мы и решили отдать этим насильникам переднюю часть монастыря под жилье, а сами собрали подаяния от разных благодетелей и выстроили себе другой монастырь, на задворках. Так у нас на Западе принято размежевывать чистых от нечистых...

— Так вот оно что! — произнес Танский монах.

Они пошли дальше и увидели еще одни ворота, а над воротами пять крупных иероглифов: «Храм Созерцания лесов и обуздания морей». Только было они собрались войти в ворота, как из них вышел буддийский монах. Послушайте, как он выглядел:

Из сукна и парчи золотистой
Убор головной,
Слева ловко приколотый,
Шпилькою держится длинной.
Стан его облегает
Широкий халат шерстяной,
Как у древних буддийских браминов,
По моде старинной.
И свисают с ушей

Два сверкающих медных кольца,
И глаза его, светом горя,
Улыбаются кротко,
А в руке верещит болан-гу,
Барабанчик-трещотка,
И на диком наречье
Он сутры твердит без конца.
И не ведал наставник,
Что здесь — ламаистские храмы,
Что он видит монаха-буддиста,
Слугу далай-ламы!

Когда монах-лама вышел из ворот и увидел Танского монаха, с его благообразным лицом, красивыми бровями, ясным взором, высоким лбом и ровной макушкой головы, с длинными ушами, свисающими до плеч, и длинными ниже колен руками, он подумал, что перед ним сам праведный небожитель-архат, сошедший с небес на грешную землю. Он подошел поближе к Сюань-цзану, лицо его выражало радость. Посмеиваясь от удовольствия, он стал ощупывать руки и ноги Танского монаха, потрогал его нос, потянул за уши, — все это он делал для того, чтобы выказать свое по-родственному близкое и сердечное расположение. Затем он взял Танского монаха за руку и привел к настоятелю монастыря. После положенной церемонии приветствий настоятель стал расспрашивать Танского монаха.

— Почтенный наставник! — вежливо начал он. — Откуда изволил прибыть сюда?

— Я твой младший брат в монашестве, следую из восточных земель по повелению Танского императора на Запад в храм Раскатов грома, чтобы поклониться Будде и попросить у него священные книги. Когда я проходил эти места, стало смеркаться, и я зашел в твой благочестивый монастырь, чтобы попроситься на ночлег. Завтра, ранним утром, я снова отправлюсь в путь. Прошу тебя внять моей просьбе и приютить...

— Не ожидал я от тебя такого! — перебил его настоятель. — Недостойно ведешь себя! Мы ведь не по доброй воле отрешились от мирской жизни, — продолжал он, — родители нас произвели на свет не в добрый час, может быть, они в чем-нибудь провинились перед духом Цветного зонта, не смогли прокормить нас, пришлось нам покинуть родной кров и принять монашество. Так раз уж ты тоже стал верным учеником Будды, не говори пустых слов и не лги!

— Я говорю сущую правду, — возмутился Танский монах.

— Ты мне не рассказывай! — строго произнес настоятель. — Я знаю, как далек путь от восточных земель до райской обители Будды на Западе! Знаю также, сколько на пути этом встречается гор и пещер, в которых водятся духи-оборотни. Да разве ты, такой щуплый и изнеженный, отважился бы один пойти за священными книгами?!

— Уважаемый настоятель, — смиренно отвечал Танский монах, — ты совершенно прав. Я, бедный монах, один, конечно, не смог бы достичь этих мест. Но у меня есть трое учеников, моих спутников, которые прокладывают путь через горы и реки, охраняют меня от всяких напастей, потому мне и удалось прибыть сюда, в твое благочестивое пристанище.

— Где же они, твои высокочтимые ученики? — нетерпеливо спросил настоятель.

— Они ждут за воротами, — ответил Сюань-цзан.

При этих словах настоятель монастыря всполошился.

— Наставник! Ты ведь не знаешь, что у нас здесь водятся тигры и волки и живут лютые разбойники, которые нападают на людей. Мы даже днем боимся выходить отсюда, и ворота запираем еще засветло. Как можно было оставить добрых людей за воротами да в такую пору?

После этого Сюань-цзан стал подзывать к себе прислужников:

— Братья! Ступайте скорей за ворота и попросите учеников моих войти! — приказал он.

Двое послушников выбежали за ворота, увидели Сунь У-куна и чуть было не упали со страха. При виде Чжу Ба-цзе они еще больше перепугались, упали на землю, отползли от него на четвереньках, поднялись и вихрем помчались обратно.

— Отец! — обратились они к Танскому монаху. — Беда! Твоих спутников не стало! У ворот стоят злые духи-оборотни!

— А как они выглядят? — спросил Танский монах.

Прислужники стали впопыхах рассказывать:

— У одного морда совсем как у бога Грома, а у другого настоящее свиное рыло. А еще один с темным лицом и огромными клыками. Рядом с ними еще какая-то девица с напмаженными волосами, напудренная!

Танский монах весело рассмеялся.

— Вы просто их не распознали, — сказал он. — Эти трое как раз и являются моими учениками. А девицу я спас от гибели в сосновом бору и привел сюда.

— Отец! — заинтересовались послушники. — Как же так получилось, что у тебя, такого благообразного на вид, оказались столь безобразные ученики?

— Что ж поделаешь! — вздохнул Танский монах. — Хоть они и некрасивы, зато очень пригодились мне. Ступайте скорей, зовите их. Не то один из них, похожий на бога Грома, чего доброго, ворвется сюда, а он забияка и большой буян, так как произошел он не от человека.

Прислужники снова выбежали за ворота и, дрожа от страха, опустились на колени.

— Уважаемые господа! — заговорили они, низко кланяясь. — Батюшка Танский монах приглашает вас к себе.

Чжу Ба-цзе засмеялся.

— Раз нас просят, значит все в порядке. Но чего это они так трясутся? — спросил он, обращаясь к Сунь У-куну.

— Увидели нас, вот и испугались, — ответил Великий Мудрец.

— Тьфу ты! — сплюнул Чжу Ба-цзе с досадой. — Мы же не виноваты, что уродились такими!

— Ты пока лучше прикрой свое уродство, — посоветовал ему Сунь У-кун.

Дурень послушался его, ткнул рыло за пазуху, наклонил голову и так пошел, ведя коня за собой. Ша-сэн взвалил ношу на плечи и последовал за ним. Позади всех шел Сунь У-кун, внимательно следя за девицей, которая шла впереди. Миновав развалины и пустые кельи, они вошли в третьи ворота. Там они привязали коня, сложили поклажу и направились к настоятелю. Встретившись с монахом-ламой как подобает, расселись по старшинству. Затем настоятель пошел во внутреннее помещение и вскоре вышел оттуда, ведя за собой нескольких послушников.

Когда закончилась церемония знакомства, послушники прибрали помещение и стали готовить трапезу.

Вот уж поистине:

Чтоб накопить заслуги,

Думать будут

Монахи о любви и доброте.

Когда кругом

В чести ученье Будды,

То и монахи,

В мудрой простоте,

Друг друга похвалить не позабудут!

Если вы хотите знать, читатель, как покинули этот монастырь наши путники, прочтите следующие главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288519>